

ЭЛЕНА ФЕРРАНТЕ

История нового имени

...Безусловный,
безоговорочный
шедевр.

Джумпа Лахири

КНИГА ВТОРАЯ НЕАПОЛИТАНСКОГО КВАРТЕТА

Элена Ферранте

ИСТОРИЯ
НОВОГО ИМЕНИ

МОЯ ГЕНИАЛЬНАЯ ПОДРУГА

КНИГА ВТОРАЯ

ЮНОСТЬ

16+

Elena Ferrante
STORIA DEL NUOVO COGNOME
Copyright © 2012 by Edizioni e/o

Published in the Russian language by arrangement with *Clementina
Liuzzi Literary Agency and Edizioni e/o*

*Перевод с итальянского Татьяны Быстровой
Под редакцией Елены Головиной*

Ферранте Э.

История нового имени / Элена Ферранте ; [пер. с ит. Т. Быстровой]. — М.: Синдбад, 2017.

ISBN 978-5-906837-48-6

Вторая часть завоевавшего всемирную популярность четырехтомного «неаполитанского квартета» продолжает историю Лену Греко и Лилы Черулло. Подруги взрослеют, их жизненные пути неумолимо расходятся. Они по-прежнему стремятся вырваться из убогости и нищеты неаполитанских окраин, но каждая выбирает свою дорогу. Импульсивная Лида становится синьорой Карраччи; богатство и новое имя заставляют ее отречься от той себя, какой она была еще вчера, оставить в прошлом дерзкую талантливую девчонку, подававшую большие надежды. Лену же продолжает учиться, стремясь доказать самой себе, что может добиться успеха и без своей гениальной подруги.

Душные задворки Неаполя, полная развлечений Искья, университетская Пиза... в разных декорациях жизнь еще не раз испытает на прочность дружбу Лилы и Лену, а они будут снова и снова убеждаться, что нить, связавшую их в детстве, не в силах разорвать ни одна из них.

© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление.
Издательство «Синдбад», 2017

Все события, диалоги и персонажи, представленные в данном романе, являются плодом авторской фантазии. Любое совпадение с реально живущими или жившими людьми, фактами их жизни или местами проживания является совершенной случайностью. Упоминание культурно-исторических реалий служит лишь для создания необходимой атмосферы.

Действующие лица и краткое содержание первой книги

Семья сапожника Черулло

Фернандо Черулло, сапожник, отец Лилы. Считает, что для дочери вполне достаточно начального образования *Нунция Черулло*, его жена. Любящая мать, Нунция слишком слаба характером, чтобы противостоять мужу и поддерживать дочь

Рафаэлла Черулло (Лина, Ли́ла), родилась в августе 1944 года. Блестяще успевающая ученица, в десять лет пишет первый рассказ «Голубая фея». После начальной школы по настоянию отца бросает учебу и осваивает его профессию

Рино Черулло, старший брат Лилы, сапожник.

Благодаря финансовым вложениям поклонника Лилы Стефано Карраччи запускает в производство линейку модельной обуви под маркой «Черулло». Ухаживает за сестрой Стефано, Пинуччей Карраччи. Ли́ла называет своего первенца в честь старшего брата

Другие дети

Семья швейцара Греко

Элена Греко (Ленучча, Лени́у). Родилась в августе 1944 года. Рассказ ведется от ее лица. Элена начинает писать эту историю, когда узнает об исчезновении в возрасте шестидесяти шести лет подруги детства Лины Черулло, которую называет Лилой.

После начальной школы Элена успешно продолжает образование. С детства она влюблена в Нино Сарраторе, но не раскрывает ему своих чувств

Пеппе, Джанни – младшие братья Элены

Элиза – младшая сестра Элены

Мать, домохозяйка. Ходит прихрамывая, что бесконечно раздражает Элену

Семья Карраччи (дона Акилле):

Дон Акилле Карраччи, сказочный людоед, спекулянт, ростовщик. Погибает насильственной смертью

Мария Карраччи, его жена, мать Стефано, Пинуччи и Альфонсо. Работает в семейной колбасной лавке

Стефано Карраччи, сын покойного дона Акилле, муж Лилы. Управляет делами отца, владеет имуществом вместе с сестрой, братом и матерью. Колбасная лавка приносит хороший доход

Пинучча, дочь дона Акилле. Работает в колбасной лавке. Невеста Рино, брата Лилы

Альфонсо, сын дона Акилле. Одноклассник Элены, сидит с ней за одной партой. Встречается с Маризой Сарраторе

Семья столяра Пелузо

Альфредо Пелузо, столяр. Коммунист. Обвиняется в убийстве дона Акилле, приговорен к тюремному заключению

Джузеппина Пелузо, его жена. Работает на табачной фабрике, горячо предана мужу и детям

Паскуале Пелузо, старший сын Альфредо и Джузеппины, каменщик, коммунист. Первым заметил красоту Лилы и признался ей в любви. Ненавидит братьев Солара. Встречается с Адой Капуччо

Кармела Пелузо, она же *Кармен*, сестра Паскуале.

Работает в галантерейном магазине; позже Лила нанимает ее в колбасную лавку Стефано. Встречается с Энцо Сканно

Другие дети

Семья сумасшедшей вдовы Капуччо

Мелина, родственница Нунции Черулло, вдова. Работает уборщицей в центральных кварталах города. Была любовницей Донато Сарраторе, отца Нино. Из-за этой

связи Сарраторе пришлось сменить место жительства, после чего Мелина тронулась умом

Муж Мелины, при жизни грузчик на овощном рынке, умер при невыясненных обстоятельствах

Ада Капуччо, дочь Мелины. С малых лет помогала матери мыть лестницы. Благодаря Лиле устраивается продавщицей в колбасную лавку. Встречается с Паскуале Пелузо

Антонио Капуччо, ее брат, механик. Встречается с Эленой, ревнует ее к Нино Сарраторе

Другие дети

Семья железнодорожника-поэта Сарраторе

Донатто Сарраторе, контролер, поэт, журналист.

Известный бабник, любовник Мелины Капуччо. Когда Элена проводит каникулы на острове Искья и живет в одном доме с семейством Сарраторе, ей приходится в спешке возвращаться домой, спасаясь от преследований Донато

Лидия Сарраторе, жена Донато

Нино Сарраторе, старший из детей Донато и Лидии.

Ненавидит и презирает отца. Круглый отличник

Мариза Сарраторе, его сестра. Встречается с Альфонсо Карраччи, не отличается успехами в учебе;

впоследствии работает секретаршей

Младшие дети - Пино, Клелия и Чиро

Семья торговца фруктами Сканно

Никола Сканно, торговец фруктами

Ассунта Сканно, его жена

Энцо Сканно, их сын, тоже торговец фруктами. На школьном конкурсе проявляет неожиданные

математические способности, чем вызывает симпатию Лилы. Встречается с Кармен Пелузо

Другие дети

Семья владельца бара-кондитерской «Солара»

Сильвио Солара, владелец бара-кондитерской.

Придерживается монархистско-фашистских взглядов, связан с мафией и черным рынком. Препятствует работе сапожной мастерской Черулло

Мануэла Солара, его жена, ростовщица: жители квартала боятся попасть в ее «красную книгу»

Марчелло и Микеле, сыновья Сильвио и Мануэлы. Ведут себя вызывающе, но, несмотря на это, пользуются определенным успехом у девушек. Лила их презирает.

Марчелло влюблен в нее, но она отвергает его

ухаживания. Микеле умнее, сдержаннее и жестче старшего брата. Встречается с дочерью кондитера Джильолой

Семья кондитера Спаньюоло

Синьор Спаньюоло, кондитер у Солары

Роза Спаньюоло, жена кондитера

Джильола Спаньюоло, их дочь, девушка Микеле Солара

Другие дети

Семья профессора Айроты

Айрота, профессор, преподает античную литературу

Аделе, его жена

Мариароза Айрота, старшая дочь, преподает искусствоведение, живет в Милане

Пьетро Айрота, студент

Учителя

Ферраро, учитель и библиотекарь. За усердие в чтении вручил Лиле и Элене по почетной грамоте

Учительница Оливьеро. Первая догадывается о выдающихся способностях Лилы и Элены. Когда десятилетняя Лила пишет рассказ «Голубая фея» и Элена показывает его учительнице, та от огорчения, что девочка по настоянию родителей не будет продолжать

учебу, не находит для нее ни слова похвалы, перестает следить за ее успехами и отдает все внимание Элене *Джераче*, преподаватель гимназии *Галиани*, преподавательница лицея. Блестяще образованна и умна. Состоит в коммунистической партии. Быстро выделяет Элену из массы других учеников, приносит ей книги и защищает от придирок учителя катехизиса

Прочие лица

Джино, сын аптекаря. Первый парень, с которым встречается Элена

Нелла Инкардо, родственница учительницы Оливьеро. Живет в Барано-д'Искья. В ее доме Элена проводит свои первые каникулы на море

Армандо, сын Галиани, студент медицинского факультета

Надя, дочь Галиани, студентка

Бруно Соккаво, друг Нино Сарраторе, сын зажиточного предпринимателя из Сан-Джованни-а-Тедуччо

Франко Мари, студент

ЮНОСТЬ

Весной 1966 года Лида, заметно волнуясь, передала мне жестяную коробку, в которой лежали восемь тетрадок. Она сказала, что больше не может хранить их у себя: боится, как бы муж не прочитал. Я забрала коробку без лишних вопросов, правда, позволив себе иронически заметить, что тетради слишком уж плотно перетянуты шпагатом. В то время наши отношения переживали не лучшие времена, но, похоже, так считала только я. Виделись мы редко, но при встречах Лида вела себя приветливо и дружелюбно и воздерживалась от колких замечаний.

Она потребовала от меня клятвенного обещания никогда и ни при каких обстоятельствах не открывать коробку и, разумеется, его получила. Но, едва тронулся поезд, я развязала шпагат, достала тетради и принялась за чтение. Нельзя сказать, что это был дневник Лиды, хотя в тексте встречались упоминания о тех или иных событиях из ее жизни, начиная с первых лет школы. Но стиль изложения напоминал упражнение, словно Лида целенаправленно тренировалась в сочинительстве. Здесь было много описаний: ветвей дерева, пруда, камня, листка с белесыми прожилками, домашней утвари, деталей кофеварки, жаровни, корзины с углем, припорошенной черной пылью, двора — в мельчайших подробностях, — проезжей дороги, проржавелых автомобильных каркасов на той стороне прудов, палисадников, церкви, подстриженной живой изгороди вдоль железной дороги, новых многоэтажек, родительского дома, сапожных инструментов отца и брата и тонкостей их ремесла. Особое внимание уделялось цвету каждой вещи при разном освещении и в разное время суток. Тетради были заполнены не только описаниями, но и обведенными в кружок отдельными

словами на итальянском и на диалекте, без всяких комментариев, и упражнениями по переводу с греческого и латыни. Попадались целые страницы на английском, посвященные описанию магазинчиков нашего квартала и товаров, которыми в них торговали, здесь в том числе фигурировала тележка с овощами и фруктами, которую Энцо Сканно каждый день возил от дома к дому, ведя под уздцы осла. Много внимания было уделено прочитанным книгам и фильмам, которые показывали в кинотеатре при церкви. Сюда же Лида заносила мысли, которые приходили ей в голову после разговоров с Паскуале или со мной. Несмотря на рваный характер этих записей и отсутствие в них какой-либо связности, они производили сильное впечатление, включая страницы, написанные ею лет в одиннадцать-двенадцать, — я не нашла в них ни следа детской наивности.

Отточенность каждой фразы, безупречная пунктуация, красивый ровный почерк — именно так учила нас писать учительница Оливьеро. Но порой Лида, словно поддавшись власти неведомого дурмана, вдруг нарушала заданный самой себе порядок. Тогда изложение приобретало какой-то нервный характер, его ритм сбивался, а знаки препинания пропадали вовсе. Правда, вскоре она возвращалась к прежней спокойной ясности. Кое-где текст резко обрывался, и нижнюю половину страницы заполняли рисунки деревьев с корявыми стволами, горбатых дымящихся гор и злобных рож. Пораженная чередованием строгой упорядоченности и неожиданной хаотичности текстов, я внезапно почувствовала себя обманутой: так значит, она долго тренировалась, прежде чем отправить мне на Искью письмо — вот почему оно показалось мне таким прекрасным. Я сложила тетради назад в коробку и сказала себе, что с меня довольно.

Но хватило меня ненадолго: от тетрадей исходила та же притягательная сила, какой с детства обладала сама Ли́ла. Она описывала наш квартал, своих родных, семью Солара и Стефано, каждого человека и каждый предмет с беспощадной точностью. Мне тоже досталось — ничуть не стесняясь, Ли́ла комментировала мои идеи и высказывания, мою внешность, давала оценки людям, которые были мне дороги. Для нее было важно, что происходит в ее собственной жизни — остальное она не принимала в расчет.

Тетрадь сохранила и радость, что переполняла Лилу, написавшую свой первый рассказ «Голубая фея», и обиду десятилетней девочки, не дождавшейся от учительницы ни слова похвалы — синьора Оливьеро сделала вид, что ничего особенного не произошло. Эти страницы помнили всё: и то, как Ли́ла страдала и злилась на меня, потому что я пошла учиться дальше, в среднюю школу, бросив ее на произвол судьбы, и то, с каким неподдельным воодушевлением она училась работать с кожей, намеренная во что бы то ни стало доказать себе и окружающим, что чего-то стоит; и радость первой удачи, когда она с помощью Рино сшила ботинки по собственному эскизу, и боль, когда отец забраковал их, заявив, что ботинки никуда не годятся. Но главное, тетрадь дышала ненавистью Лилы к братьям Солара. В свое время она решительно отвергла ухаживания Марчелло, а вскоре после согласилась выйти замуж за владельца колбасной лавки Стефано Карраччи, который так ее любил, что купил первые сшитые ее руками ботинки и поклялся, что будет хранить их до своего последнего вздоха.

Как горда была пятнадцатилетняя Ли́ла, почувствовав себя настоящей дамой! Тетрадь точно запечатлела память о тех днях, когда она, любуясь собой, прогуливалась по городу под ручку с по уши влюбленным в нее женихом, не жалевшим для нее ни

денег, ни подарков и даже вложившим немалые средства в семейное дело Черулло.

Да, Ли́ла чувствовала себя счастливой: мастерская шила обувь по ее эскизам, ее ждало удачное замужество и удобная красивая квартира в новом районе — это в шестнадцать лет!

Мысли о пышной свадьбе действовали на нее возбуждающе. И вдруг на эту свадьбу заявился Марчелло Солара вместе с Микеле и в тех самых ботинках, которые новоиспеченный муж Лилы поклялся беречь как зеницу ока. Ее муж. Кому же она отдала свою руку и сердце? Она увидела его истинное лицо и ужаснулась, но было уже слишком поздно. Я по многу раз, день за днем и неделя за неделей читала и перечитывала эти страницы. Под конец я уже могла наизусть цитировать особенно выразительные фрагменты, приводившие меня в восторг естественностью интонации. Однако за показной непосредственностью угадывались часы тренировки; я не знала наверняка, но подозревала, что весь этот блеск — результат долгого и кропотливого труда.

Однажды ноябрьским вечером я вышла из дома, прихватив с собой коробку. У меня больше не было сил жить чужой жизнью, и теперь, когда я давно обрела самостоятельность, мне не хотелось вновь и вновь окунаться в прошлое Лилы и копаться в ее чувствах.

Я остановилась на мосту Сольферино и посмотрела на холодное небо. Потом поставила коробку на парапет и слегка подтолкнула, потом еще раз и еще, пока та не упала в темную реку, унося с собой все слова и мысли девочки Лилы. У меня мелькнуло ощущение, что это она сама исчезает в толще вод. Река поглотила ее злобу, а меня охватило чувство свободы. Больше я не позволю себя использовать. Вещи, люди — все, к чему прикасалась Ли́ла, подпадало под власть ее чар: книги, туфли, нежность, обида, свадьба, первая брачная ночь,

новая социальная роль в качестве синьоры Рафаэлле Карраччи — Лида умело использовала все это в своих целях.

2

Мне не верилось, что Стефано — добрый, милый, влюбленный Стефано — подарил Марчелло Соларе ботинки, сшитые руками Лилы, тем самым перечеркнув и ее мечту, и тот труд, который она вложила в ее осуществление.

Я тут же забыла об Альфонсо и Маризе, которые сидели за столиком и о чем-то переговаривались, глядя друг на друга сияющими глазами. Я больше не слышала пьяного смеха мамы. Музыка, голос со сцены, танцующие пары, Антонио, в порыве ревности выскочивший на балкон и глядящий на город и море сквозь стекло, — все это отступало перед невероятностью произошедшего. Даже образ Нино, только что покинувшего зал для гостей, точно архангел, не принесший благой вести, поблек. Все заслонила бледная невеста-Лида, пылко шептавшая что-то на ухо нахмурившемуся молодожену-Стефано. Эта картина стояла передо мной, точно белое пятно карнавальной маски на вспыхнувшем краской лице. Что произошло между ними и какие будут последствия? Подруга тянула мужа к выходу, уцепившись за него обеими руками так сильно, что я чувствовала: будь то в ее власти, она бы сейчас оторвала эту руку от тела и прошла через зал с высоко поднятой головой, не обращая внимания на тянущийся позади кровавый шлейф. Будь то в ее власти, она бы избила несчастного Марчелло любым предметом, который попался ей под руку, точным ударом она бы повалила его на пол и добила ногами. Да, так бы она и сделала, и при мысли этой сердце мое рвалось как одержимое, а в горле пересохло. Потом она

бы выцарапала глаза обоим — Марчелло и Стефано, вцепилась бы зубами в их плоть и разорвала бы ее в клочья. Да, я чувствовала, что хочу на это посмотреть.

Вот и все. Конец злополучной свадьбе, влюбленности, медовому месяцу в Амальфи! Хорошо бы порвать тут со всем и вся и бежать, далеко-далеко, только я и Лила. Бежать вдвоем в неведомые города, весело скатываясь вниз по старым ступенькам. Мне показалось, что для такого дня это был бы самый логичный конец. Если ничего не спасти — ни денег, ни мужа, ни работы, так не лучше ли разрушить все до основания, раз и навсегда?

Я ощутила, как в груди у меня проснулась не моя — Лилина — злоба, и мне захотелось раствориться в ней до конца. Мне хотелось, чтобы она росла — неведомая, чужая сила. Я поймала себя на том, что боюсь этого незнакомого чувства. Лишь много лет спустя я поняла, что все мои несчастья лишь оттого, что часто я не могу быть жесткой, боюсь показаться резкой и просто молчу, накапливая обиду и злобу.

Но Лила была не такой. Когда она решительно поднялась с места, от ее резкого движения задрожал стол, зазвенели тарелки, а ближайший бокал опрокинулся. Пока Стефано на автомате кинулся к синьоре Соларе, к платью которой подбирался красный поток, Лила быстро вышла в заднюю дверь, таща за собой тяжелый шлейф, путающийся между ног. Мне хотелось кинуться за ней, сжать ей руку, шепнуть: скорее, скорее отсюда. Но я не сдвинулась с места. Не я, но Стефано, после минутного колебания, ринулся за ней, протискиваясь меж танцующих пар.

Я оглянулась по сторонам. Все видели, что с невестой что-то не так. Но Марчелло продолжал с заговорщическим видом разговаривать с Рино, делая вид, что знать не знает, что на нем за ботинки. Пришло время тостов, и каждый следующий был пошлее

предыдущего. Те, кто чувствовал себя обделенным местом за столом, натянуто улыбались. Никто, кроме меня, не понимал, что только что свершившийся брак, который мог бы длиться «пока смерть не разлучит их», в болезни и радости, богатстве и бедности, брак, в котором могли бы родиться дети и внуки, для Лилы — что бы там сейчас ни сказал новоиспеченный муж в попытке примирения — более ничего не значил. Для нее все было кончено раз и навсегда.

3

Однако ничего не случилось, и это сильно меня разочаровало. Я уселась с Альфонсо и Маризой, стараясь не слушать их болтовню. Я ждала, что будет, но ничего так и не произошло. Предсказать, как поступит Ли́ла, было непросто: я не услышала ни криков, ни угроз. Через полчаса Стефано вернулся как ни в чем не бывало. Он уже успел переодеться, и белые тени на его лице куда-то исчезли. Он обошел родственников и гостей, поджидая жену, и, едва Ли́ла вернулась (теперь она была одета в простое дорожное платье: светло-голубой костюм с белыми пуговицами и синюю шляпку), тут же к ней присоединился. Ли́ла раздала детям традиционные миндальные конфеты, зачерпывая их из хрустальной вазы, а потом бонбоньерки гостям: сначала родным Стефано, потом всем прочим. Семейку Солара она обошла стороной, как и своего брата, который притворно хмыкнул: «Ты что, меня разлюбила?» Ли́ла не ответила и протянула бонбоньерку Пинучче. Взгляд ее витал где-то далеко, скулы проступили резче обыкновенного. Когда пришла моя очередь, Ли́ла протянула мне маленькую корзиночку, завернутую в белое кружево, даже не улыбнувшись.

Ее демонстративное неуважение задело братьев Солара, но положение спас Стефано, дружески хлопнув каждого по плечу и чуть слышно прошептал:

— Она просто устала. Тяжелый день...

Рино он расцеловал в обе щеки. Тот недовольно скривился и процедил сквозь зубы:

— Усталость тут ни при чем. Стерва и есть стерва. Сочувствую тебе.

— Ничего, разберемся, — серьезно ответил Стефано.

Он быстрым шагом подошел к жене, уже стоявшей в дверях. Под нестройные звуки оркестра гости начали понемногу подниматься со своих мест и прощаться.

Значит, никакого разрыва не будет, и никуда мы не убежим, и прощайте, новые города. Я представила себе, как молодожены — красивые и нарядные — садятся в кабриолет. Скоро они прибудут на амальфитанское побережье, поселятся в шикарном отеле, и смертельная обида скукожится до легкой досады. И все останется как есть. Лила раз и навсегда оторвалась от меня. Я вдруг осознала, что трещина между нами гораздо шире, чем казалось мне раньше. Лила не просто вышла замуж. Ее брак — это не только супружеские обязанности и общая с мужем постель. Нет, нас расколело что-то более существенное, о чем я раньше не думала, но что сейчас предстало передо мной во всей своей очевидности. Лила не знала, какие отношения связывали ее мужа с Марчелло Солара и почему он подарил ему те самые ботинки, но она смирилась с этим фактом, тем самым признав, что для нее важнее всех на свете муж. Если она сдалась в самом начале и проглотила обиду, значит, она дорожит Стефано больше, чем я предполагала. Значит, она его любит, любит по-настоящему, той любовью, о какой пишут в книгах. Ради него она пожертвовала всем, а он этого даже не заметил. Способность тонко чувствовать, острый ум, богатое воображение — все, чем Лила

обладала с детства, — она вручила Стефано, который понятия не имел, что ему со всем этим делать — разве что сломать. Я подумала, что никого не смогу полюбить так, как она, — даже Нино. Все, на что я способна, — это сидеть над книгами. На долю секунды в памяти мелькнуло давнее воспоминание: моя сестренка Элиза кормила на лестнице котенка из старой щербатой миски. Потом котенок вырос и убежал, а пустая миска так и осталась стоять на лестничной площадке, покрываясь грязью и пылью. Вот и я — как та самая миска... Но в ту же секунду я с испугом поняла, что дальше так продолжаться не может. Я должна прекратить копаться в себе и стать такой, как все — как Кармела, Ада, Джильола, даже Лиля. Отбросить гордыню, перестать судить других людей и свысока смотреть на тех, кто меня любит. Альфонсо с Маризой засобирались уходить — их ждал Нино, а я, обойдя зал, чтобы не попасться на глаза матери, вышла на террасу, где стоял мой парень.

На мне было легкое платье, а солнце уже село, и я немного замерзла. При виде меня Антонио закурил и снова уставился в окно, на море.

— Пойдем отсюда.

— Иди, если хочешь. Сарраторе будет просто счастлив.

— Я хочу уйти с тобой.

— Не ври.

— С чего ты взял, что я вру?

— Да он тебя одним пальцем поманит, и ты к нему полетишь как на крыльях.

Это была чистая правда, но мне не понравилась откровенность, с которой Антонио ее высказал.

— Ты что, не понимаешь, чего мне стоило прийти сюда к тебе? — возмутилась я. — Если мать увидит меня с тобой, она мне такое устроит! Но тебе-то что: ты

только о себе и думаешь, а я ровным счетом ничего для тебя не значу.

Я говорила не на диалекте, а на литературном итальянском, и Антонио, выслушав меня, потер виски. Потом отшвырнул сигарету и, с плохо сдерживаемой яростью схватив меня за запястье, прохрипел, что он и пришел сюда ради меня, только ради меня, что я сама просила его и в церкви, и в ресторане сесть ко мне поближе и клятвенно, вот именно клятвенно обещала, что ни за что его не брошу, и он сшил себе этот чертов костюм и влез в кабалу к синьоре Соларе, и все это — лишь бы угодить мне, и он даже ни разу не подошел к матери, к сестрам и братьям, а я обращалась с ним как с последним дерьмом и все время любезничала с сынком этого поэта, а его выставила полным дураком перед друзьями, а все потому, что он для меня никто, я слишком образованная, а он неуч и не понимает половины слов, которые я говорю, и да, это суцкая правда, он совсем меня не понимает, но, черт подери! Лену, сказал он, посмотри на меня, посмотри хорошенько, ты что, думаешь, я позволю тебе со мной играть? Ты думаешь, я буду и дальше это терпеть? Нет, милая, ты ошибаешься. Ты знаешь все на свете, но ты не знаешь одного. Если ты сейчас уйдешь со мной, все будет в порядке, но если до меня дойдет, что в школе или где еще ты по-прежнему встречаешься с этим ничтожеством, с этим Нино Сарраторе, я убью тебя, Лену, клянусь, я тебя убью. Подумай об этом, с отчаянием в голосе сказал он, а сейчас уходи, так будет лучше. Он смотрел на меня широко распахнутыми покрасневшими глазами, ужасные слова одно за другим вылетали у него изо рта, ноздри раздулись, он кричал, хотя голос его звучал еле слышно, а в лице было сколько страдания, словно каждое вырвавшееся из горла слово было железным осколком, изрезавшим его внутренности — легкие, грудь, гортань.

Меня поразила эта вспышка ярости, но, как ни странно, я нашла в ней утешение: хоть кому-то на меня не наплевать.

— Мне больно, — пробормотала я.

Он медленно разжал руку, но продолжал смотреть на меня с открытым ртом. Запястье у меня посинело — с такой силой он его все это время сжимал.

— Что ты решила? — спросил он.

— Я хочу быть с тобой, — угрюмо ответила я.

Он закрыл рот. В глазах блеснули слезы. Он опять уставился на море. Ему нужно было время, чтобы успокоиться.

Через несколько минут мы были на улице. Мы не стали ждать ни Паскуале, ни Энцо, ни девочек, и ушли, ни с кем не попрощавшись. Главное было проскочить мимо моей матери, что нам удалось. Мы решили идти пешком, хотя уже стемнело. Поначалу мы просто шагали рядом, но потом Антонио робким жестом положил руку мне на плечо, как будто чувствовал свою вину и просил прощания. Он и правда любил меня, а потому решил забыть, что я флиртовала с Нино, и считать все это игрой воображения.

— У тебя что, синяк? — спросил он, осторожно коснувшись моего запястья.

Я промолчала. Он притянул меня к себе, но я инстинктивно отстранилась, и он не стал настаивать. Оба мы чего-то ждали. Когда он в знак примирения вновь потянулся ко мне, я обняла его за талию.

4

Потом мы долго целовались: за деревом, в подъезде, посреди темной улицы. Наконец сели в автобус, пересели на другой и доехали до вокзала. По пустынной улочке, тянувшейся вдоль железной дороги, мы пошли к прудам, не переставая целоваться.

На мне было легкое платье, а на улице заметно похолодало, но мне было жарко, только от вечернего ветерка по коже пробегали мурашки.

Иногда Антонио так сильно прижимал меня к себе, что мне становилось больно. Его губы были горячими, как угли, и этот жар распалаял мое воображение. Наверное, Лила и Стефано уже в отеле, думала я. Ужинают. Наверное, готовятся лечь в постель.

Наверное, спать в одной постели с мужчиной тепло. Антонио жарко целовал меня, его ладонь жадно сжимала мою грудь под хлопком платья, а я, сунув руку ему в карман брюк, поглаживала его член.

На темном небе вспыхнули светлые искорки звезд. Сквозь запах мха и прелой земли по берегам прудов пробивался сладкий аромат весны. Трава была влажной, от пруда доносились чавкающие звуки, как будто кто-то кидал в воду то желудь, то камень — или это прыгали лягушки? Мы шли по знакомой тропинке, в конце которой стояли тесной группкой засохшие деревья с тонкими стволами и кривыми ветками. Неподалеку располагалась старая консервная фабрика: покореженное здание с проломленной крышей — голый скелет, покрытый проржавелыми железными листами. Я почувствовала, как внутри меня что-то напряглось, натянулось, как шелковая нить: мне захотелось наслаждений, захотелось ласки, способной стереть из памяти события сегодняшнего дня. Желание, острое как игла, зародилось внизу живота — еще никогда я не испытывала ничего подобного. Антонио шептал мне нежные слова и все настойчивее целовал меня в губы и в шею. Я не говорила ничего. Я никогда ничего не говорила в минуты наших объятий, только тихо постанывала.

— Скажи, что ты меня любишь! — прошептал он.

— Угу.

— Скажи!

— Угу.

Больше я ничего не сказала и крепко, что было сил, прижалась к нему. Мне хотелось еще больше ласк, хотелось, чтобы он покрыл поцелуями все мое тело, каждую его клеточку, хотелось задохнуться от наслаждения. Антонио чуть отстранился, и его рука скользнула в вырез моего платья и дальше, под бюстгальтер. Но и этого мне сегодня было мало. Все, что мы позволяли себе до сих пор, все его осторожные прикосновения, сейчас казались мне жалкими, недостаточными, торопливыми. Но я не знала, как сказать ему о том, чего хочу на самом деле, у меня не было для этого подходящих слов. Каждое из наших тайных свиданий всегда завершалось немым ритуалом. Он гладил мою грудь, задира л юбку, ласкал меня между ног и прижимался ко мне своей горячей и нежной плотью. Но сегодня я не спешила ему помогать; я понимала, что, едва я коснусь рукой его члена, Антонио забудет все на свете. Ни моя грудь, ни крепкие бедра, ни гладкий живот, ни лобок больше не вызовут в нем интереса; он положит свою руку поверх моей и станет направлять меня, добиваясь нужного ритма. А потом он достанет платок, из груди у него вырвется слабый стон, а из члена брызнет опасная белесая жидкость. Потом он, словно стыдясь чего-то, отстранится от меня и мы пойдем домой. Так было всегда, но сегодня мне требовалось что-то другое. Я не боялась, что могу забеременеть — я, незамужняя девушка, — не думала о том, что это грех, меня не смущали мысли о Духе Святом и глядящих на меня с небес ангелах... Антонио почувствовал это и растерялся. Он взял было меня за руку и потянул вниз, к заветному месту, но я вырвалась, прижалась к его руке лобком и принялась тереться о нее, тяжело дыша. Он отдернул руку и стал судорожно расстегивать пуговицу на брюках.

— Подожди, — шепнула я.

Я потянула его к развалинам консервной фабрики. Внутри было темно и пусто, тишину нарушало лишь тихое осторожное шуршанье, выдававшее присутствие мышей. У меня заколотилось сердце. Я боялась пустой фабрики, боялась себя и того невыносимого желания, которое овладело мной без остатка, заставив забыть голос разума, звучавший во мне еще пару часов назад. Мое место — в сточной канаве родного квартала. Зачем мне учеба, зачем проклятые тетради? Что они мне принесут? Тень Лилы всегда будет висеть надо мной, указывая на мое ничтожество. Разве я смогу с ней сравниться? Я представила себе Лилу в роскошном подвенечном платье, в светлом дорожном костюме и элегантной синей шляпке... А я украдкой целуюсь с Антонио посреди ржавых балок и крысиной возни. Я стою с задранной юбкой и приспущенными трусами, охваченная чувством вины, а Лила раскинулась на льняных простынях в номере с видом на море, она не стыдится своей наготы и отдается Стефано, без страха и сомнений позволяя ему излить в себя его семя. Антонио справился наконец со своими пуговицами и, пристроив меня у себя между ног, прижимался ко мне большим мясистым пенисом, крепко сжимал мои ягодицы, ритмичными движениями терся о мой лобок и тяжело дышал. Где я и где Лила, подумала я. Я уже ничего не понимала, знала только одно: сейчас я хочу совсем другого. Мне мало того, что предлагает Антонио. Я готова идти до конца. А когда Лила вернется, я скажу ей, что я тоже уже не девочка, я делала то же, что делала ты, так что не думай, что ты меня опередила. Я обняла Антонио за шею и, приподнявшись на цыпочки, впиалась в его губы поцелуем; я двигалась наугад, стараясь встать как надо. Он понял и рукой подтянул меня к себе; я почувствовала, что он немного проник внутрь меня, и вздрогнула от страха и любопытства. Но почувствовала я и другое — что он изо всех сил

сдерживается, чтобы не ринуться вперед со всей страстью, которая разрывала его изнутри с самого утра. Я поняла, что он вот-вот остановится, и прижалась к нему еще крепче, отрезая себе путь к отступлению.

Но Антонио с тяжким вздохом отстранил меня и сказал на диалекте:

— Нет, Лену, нет. Я хочу, чтобы все было как положено, а не так. После свадьбы, когда ты станешь моей женой.

Он взял мою руку в свою, положил ее на свой член и вздрогнул, точно икнул; я сделала то, что он хотел.

Потом, пока мы шли вдоль прудов, он сказал, что слишком уважает меня и не хочет, чтобы из-за него я совершила то, о чем потом буду жалеть, что все должно быть не так, не в этой грязи. Он говорил так, как будто обвинял себя в том, что чуть не произошло из-за его настойчивости. Возможно, он действительно в это верил.

Я шла молча и, прощаясь с Антонио, испытала чувство облегчения. Когда я постучала домой, дверь мне открыла мать. Братья и сестра пытались ее удержать, но она, не сказав ни слова, с порога влепила мне пощечину. Очки полетели на пол, и я что было мочи закричала:

— Что ты наделала? Ты мне очки разбила! Теперь из-за тебя я не смогу учиться! И в школу больше не пойду!

Мать застыла на месте. Рука, которую она уже занесла для следующего удара, повисла в воздухе, похожая на лезвие топора.

Моя сестренка Элиза подобрала очки и тихо сказала:

— Держи, Лену. Они не разбились.

5

После событий того вечера я пребывала в таком подавленном состоянии, что у меня ни на что не было

сил. Впервые я прогуливала занятия. В школе не появлялась недели две, но не сказала об этом даже Антонио. В положенный час я выходила из дома и бродила по улицам. За те несколько дней Неаполь раскрылся передо мной по-новому.

Я разглядывала витрины букинистических лавок на виа Порт-Альба, невольно запоминая авторов и названия книг, а потом по виа Толедо шла к морю или по виа Сальватор-Роза поднималась к району Вомеро, доходила до монастыря Сан-Мартино, а потом брела назад. Иногда ноги несли меня в сторону транспортной развязки Доганелла, за которой расположено кладбище, и я прохаживалась по его тихим аллеям, читая имена покойников. Иногда меня окликали молодые бездельники, старые дураки или прилично одетые мужчины среднего возраста и предлагали свою компанию. Я опускала глаза и ускоряла шаг, чуя опасность; я никогда ни с кем не заговаривала, но и домой возвращаться не спешила. Напротив, чем больше я шлялась по городу, тем больше мне нравились эти долгие прогулки, благодаря которым я вырывалась из паутины обязанностей, опутывавших меня с первых школьных лет. Я приходила домой в положенное время, и никто даже не подозревал, что я (это я-то!) не была в школе. До вечера я читала романы, а потом бежала на пруды на свидание с Антонио, который радовался, что у меня наконец-то появилось для него время. Он хотел спросить, виделась ли я с Нино; этот вопрос читался в его глазах, но он не решался его задать, боясь со мной поссориться; он боялся, что я разозлюсь и откажу ему в минутах недолгого счастья. Когда он обнимал меня и прижимал к себе, его сомнения рассеивались. В эти минуты он верил, что я его не подведу и не стану встречаться ни с кем другим.

Антонио ошибался: на самом деле я думала только о Нино, хоть и чувствовала себя виноватой. Я мечтала

увидеться и поговорить с ним и одновременно страшилась этой встречи. Меня пугало его высокомерие. Что, если он снова вспомнит про мою статью о стычке с преподавателем богословия, так и не опубликованную? Вдруг он начнет рассказывать, что в редакции ее жестоко раскритиковали? Этого я бы уже не вынесла. В своих скитаниях по городу или без сна ворочаясь по вечерам в постели, я внушала себе, что статью отвергли только потому, что в газете на нее не хватило места. Я пыталась заглушить свое разочарование, но это давалось мне нелегко. Я никогда не смогу дотянуться до Нино, увлечь его своими мыслями, а значит, мы никогда не будем вместе, думала я. Да и чем я могла бы его заинтересовать? В голове у меня царила полная пустота. Не лучше ли бросить все это — учебу, книги, забыть об оценках и грамотах? И надеяться, что рано или поздно все знания, распирающие мою голову, живые и мертвые языки, включая литературный итальянский, на котором уже все чаще говорили мои сестра и братья, улетучатся сами собой? Это все из-за Лилы, твердила я себе, она толкнула меня на этот путь, а значит, мне надо забыть и ее; она всегда знала, чего хотела, и добилась своего, а я не хотела ничего, вот и осталась ни с чем. Вот бы проснуться однажды и почувствовать, что мне ничего не надо. Пусть со мной будет только любовь Антонио — а больше мне ничего для жизни не нужно.

Однажды по дороге домой я встретила сестру Стефано, Пинуччу. От нее я узнала, что Лила вернулась из свадебного путешествия и устроила прием в честь помолвки брата с Пинуччей.

— Так вы с Рино наконец-то обручились? — спросила я, изображая удивление.

— Да, — гордо сообщила Пинучча и продемонстрировала мне кольцо.

Пока она говорила, у меня в голове крутилась одна-единственная мысль: Лила устроила в новом доме прием, а меня не пригласила! А впрочем, оно и к лучшему. Хватит уже с меня ее общества, видеть ее не желаю. Когда тема помолвки была исчерпана, я все же осторожно поинтересовалась, как поживает Лила. Губы Пинуччи растянулись в тонкую ухмылку:

— Учится помаленьку.

Я не стала уточнять, чему именно. Вернувшись домой, я легла и проспала до вечера.

На следующее утро я, как обычно, встала в семь, как будто собиралась в школу.

Я только вышла на шоссе, как увидела Лилу: она выскользнула из машины и направилась в наш двор, даже не оглянувшись на Стефано, который сидел за рулем. Она была нарядно одета, но почему-то в темных очках, хотя день выдался пасмурный. На голове у нее был голубой шарф, повязанный так, что закрывал подбородок и губы — помню, это меня удивило. Я с горечью подумала о том, что теперь она похожа не на Жаклин Кеннеди, а на таинственную даму, какой мы с ней обе мечтали стать в детстве. Я быстро пошла вперед.

Однако через несколько шагов я передумала и вернулась. Я не знала зачем, просто вернулась, и все. Сердце у меня забилося быстрее, все мысли перепутались. Может, я хотела, чтобы она прямо в лицо сказала мне, что мы больше не подруги. Может, собиралась сообщить ей, что брошу учебу и тоже выйду замуж, перееду к Антонио и вместе с сумасшедшей Мелиной буду мыть лестницы. Я устремилась во двор и успела заметить, как она входит в подъезд, где жила ее свекровь. Я взбежала по лестнице — той самой, по которой мы девчонками карабкались к дверям дона Акилле, чтобы упросить его вернуть нам наших кукол. Я окликнула ее, и она обернулась.

- Ты пришла?
- Ну да.
- А почему ко мне не зашла?
- Я не хотела, чтобы ты меня видела.
- Другим можно, а мне нельзя?
- До других мне нет дела.

Я неуверенно посмотрела на нее. Что она от меня скрывает? Что такого я не должна видеть? Я поднялась к ней и осторожно развязала ее шарф и сняла с нее темные очки.

6

Когда я пишу о ее свадебном путешествии, я снова переживаю его в памяти. Я расскажу не о том, что услышала тогда на площадке, но о том, что прочла гораздо позже в ее тетрадях. Я была несправедлива к Лиле, я думала, что она сдалась слишком легко и позволила унижить себя, думала, что она чувствует себя так же, как чувствовала себя я, когда Нино ушел с праздника, и мне хотелось так думать, чтобы ослабить чувство потери, разрывавшей мое существо. На самом-то деле, едва закончился праздник, Лила в своем светлом костюме и синей шляпке оказалась в автомобиле. Глаза ее сверкали злостью, и, едва машина тронулась, она набросилась на Стефано, оскорбляя его самыми страшными словами, какие только могла придумать.

Он по привычке молчал и спокойно улыбался, так что в конце концов она устала и замолкла. Но молчание длилось недолго. Едва переведя дыхание, Лила вновь бросилась в атаку. Она заявила мужу, что ей противно дышать с ним одним воздухом и что она не в силах оставаться в автомобиле, после чего потребовала остановить машину. Стефано заметил выражение ее лица, на котором читались злоба и отвращение, но

продолжал спокойно и молча ехать вперед. Лила не выдержала и закричала, чтобы он немедленно остановился.

Он не отреагировал, но, когда Лила попыталась открыть дверь, резко схватил ее за руку.

— А теперь слушай, — спокойно сказал Стефано, — да, я это сделал, но тому были серьезные причины.

И он рассказал, как все было. Чтобы сапожная лавка не разорилась на следующий же день после открытия, пришлось подключить к делу Сильвио Солару и его сыновей, — они могли обеспечить не только сбыт товара в лучшие магазины города, но и открытие собственного магазина Черулло на пьядце Мартири.

— А мне какое дело до твоих трудностей, — заявила Лила, крутясь на сиденье.

— Мои трудности теперь и твои, ты моя жена.

— Это я-то? Да я тебе никто, и ты мне тоже, отпусти меня!

Стефано разжал руку.

— А твой отец и брат тоже никто?

— Закрой рот и не смей говорить о них.

Однако Стефано заговорил. И сказал, что Фернандо лично настоял на том, чтобы он заключил договор с Сильвио Соларой. Это было не так-то просто, учитывая, что Марчелло почти ненавидел Лилу, семью Черулло и в особенности Паскуале, Антонио и Энцо, которые разбили его машину. Но Рино удалось его успокоить, на что ушло немало усилий. Тогда Марчелло заявил, мол, хотите сделку — отдайте туфли, что сделала Лина, и Рино согласился.

Эти слова больно ранили Лилу, внутри у нее все сжалось, но она все равно грубо бросила мужу:

— А ты? Просто стоял и смотрел?

— А что мне было делать, — смутился Стефано. — Устроить ссору с твоим братом, пустить по миру твою